

Москва в лицах: о судьбе Марины Цветаевой

Поэзия и проза собственных имен

Лев КОЛОДНЫЙ

КОГДА в Трехпрудном переулке в доме профессора Ивана Цветаева 26 сентября 1892 года вместо желанного сына родилась нежданная дочь, мать в утешение себе сказала:

— По крайней мере будет музыкантшей.

Природа наградила новорожденную замечательным слухом и всеми другими качествами, необходимыми, чтобы стать профессиональным пианистом. Однако, как всем теперь известно, в тот день в мире стало одним поэтом больше.

Дом в Трехпрудном переулке, где пролетели двадцать лет жизни Марины Цветаевой, сыграл особую роль в ее судьбе: она родилась в нем дважды — как человек и как поэт. Даже когда его не стало физически, дом продолжал жить в ее памяти, стихах и прозе...

Где он находился?

Название Трехпрудного переулка происходит от некогда существовавших вблизи него трех прудов, выкопанных в XVIII веке. Сегодня это обычный переулочек центра, причем редко упоминаемый авторами путеводителей, все внимание отдающих его великой соседке — улице Горького, главной в Москве.

Как раз в том, 1892 году отец Марины составил первоначальный проект Античного музея скульптурных слепков. Тогда еще пустырь бывшего Колымажного двора в центре Москвы на Волхонке каждой зимой заносило снегами. (Ныне здесь Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Выделяя влияние матери, привившей любовь к музыке, природе, стихам, героике, поэзии Германии, Марина Цветаева в то же время писала: «Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность)».

В этой же автобиографии отмечается: «Раннее детство—Москва и Таруса... с 10 лет по 13 лет (смерть матери) — заграница, по 17 лет вновь Москва».

Младшая дочь профессора Цветаева — Анастасия, родившаяся спустя два года после Марины и здравствующая поныне, выпустила подробные «Воспоминания». Благодаря им биографам известна в мельчайших деталях та жизнь Марины Цветаевой, которая прошла на глазах сестры в Трехпрудном переулке.

Здесь, во владении № 8, стоял обычный для Москвы конца минувшего века одноэтажный деревянный крашеный особняк, какие и поныне кое-где сохранились в историческом центре города.

Марина Цветаева называла этот дом «шкатулкой шоколадного цвета». Упомянула о нем в стихах, уже когда в нем не жила, обращаясь к младшей сестре: «В переулочек сходи Трехпрудный, в эту душу моей души...».

...В Трехпрудном переулке, напротив дома Цветаевых, знаменитый архитектор Федор Шехтель выстроил типографию, ставшую одним из памятников зодчества начала XX века. В нее и отнесла (минуя издательство) свой первый сборник стихов гимназистка Марина Цветаева, отнесла тайком от отца. Не знали об этом и в гимназии. Заказала тираж — 500 экземпляров. Отвезла почти весь тираж в книжный склад, который находился на Моисеевской площади в самом центре Москвы, у Охотного ряда и Моховой, где теперь проспект Маркса. Так в 1911 году вышел первый в Москве цветаевский сборник «Вечерний альбом».

Стихи никому не известного поэта раскупались вяло. Но тем не менее они попали на глаза законодателю поэзии тех лет Валерию Брюсову. Он отметил редкую самобытность автора, отсутствие каких-либо влияний и полное владение формой.

Заметили «Вечерний альбом» и другие критики. Восхитился сборником Максимилиан Волошин. И без предупреждения пришел в дом в Трехпрудном переулке. Когда ему открыли, спросил:

— Можно мне видеть Марину Цветаеву?

После выхода «Вечернего альбома» Максимилиан Волошин писал, обращаясь к неизвестной Цветаевой:

Ваша книга — это весть... оттуда,
Утренняя благостная весть...

Я давно уж не приемлю чуда...

Но как сладко видеть: чудо есть.

Перед глазами поэта предстала... девушка в гимназической форме. Газет она не читала, поэтому о восторженной рецензии Волошина не знала. Это знакомство сыграло важную роль в дальнейшей судьбе Цветаевой, ставшей желанной гостьей в Коктебеле, в доме Волошина.

Летом 1911 года, будучи в Крыму у Волошина, Марина Цветаева познакомилась с таким же, как она, юным Сергеем Эфроном. Вскоре Марина Цветаева вышла за него замуж.

Сергей Эфрон был на год младше Марины. Его отец и мать всю жизнь посвятили революционному движению, состояли в подпольных народолюбивских организациях, участвовали в революции 1905 года, тяжело переживали ее поражение, как крушение надежд и мечтаний юности. Многодетная мать Сергея Эфрона, в детстве Дурново, уехала за границу с младшим сыном и не уследила за ним: мальчик в 14 лет покончил жизнь самоубийством. Потрясенная горем, она повесилась на том же крючке, что и сын. Понимая, эта трагедия повлияла спустя много лет на другую, которая случилась в Елабуге...

3 ноября 1911 года на вечер, который вел Валерий Брюсов, на Малой Дмитровке, 10, в доме М. В. Востряковой, на заседании общества «Свободная эстетика» Марина Цветаева в унисон с сестрой Анастасией прочла с трагедии свои стихи. По воспоминаниям А. Цветаевой, на вечер присутствовал Владимир Маяковский. А ему было 18 лет, он на год младше автора «Вечернего альбома».

«Был один миг тишины после нашего последнего слова — и аплодисменты рухнули в залу — как весенний гром в саду — «Триумф», — говорили нам потом».

То был первый и, по всей вероятности, последний прижизненный триумф Мари-

ны Цветаевой. В том же году на всероссийском закрытом конкурсе поэтов, прислав свое сочинение в конверте под девизом, она вышла победительницей, получив золотую медаль.

На следующий год наступил долгожданный миг в жизни отца — Ивана Цветаева, к тому времени отстраненного от должности директора Румянцевского музея министерства просвещения, вступившим с профессором в борьбу. Увольнение со службы, грозившее разорением, потеря здоровья — все искупалось одним: открытием музея. По этому случаю состоялись в Москве торжества с участием царской фамилии. В доме в Трехпрудном переулке был накрыт праздничный стол. Марина заказала золотую медаль с изображением музея и незабываемой датой — 12 мая 1912 года. Эту медаль подарила отцу. Через год Марина осиротела.

Вместе с Сергеем Эфроном, увлекавшимся литературой, Марина основала «домашнее» издательство, назвав его сказочным именем «Оле-Лукойе». В нем в 1912 году вышел второй поэтический сборник Марины, вышла написанная мужем гимназистом книжка «Детство», где, в частности, дан портрет Марины Цветаевой.

Второй сборник вышел, когда Цветаева все еще жила в Трехпрудном. В том году ей пришлось расстаться навсегда с родным домом. Отныне он стал существовать в ее поэзии.

Высыхали в небе изумрудом
Капли звезд и пели петухи.
Это было в доме старом, доме чудном...
Чудный дом, наш дивный дом
В Трехпрудном.
Превратившийся теперь в стихи.

Марина Цветаева с мужем Сергеем Эфроном.

Пришлось снимать квартиры. Второй Маринин дом — Сивцев Вражек, 19, типичный доходный, шестизэтажный, большой, так непохожий на тот, что остался в Трехпрудном. С видом на Кремль. Следующий адрес также в районе Арбата, где на сломанной Собачьей площадке находился особняк, похожий на дом детства.

Бабушка со стороны матери подарила Марине деньги, и на них она смогла купить за 18 тысяч рублей собственный дом в Замоскворечье (сломан в шестидесятые годы). В этом доме родилась первая дочь Ариадна — Аля Эфрон. В нем молодые прожили год. Семейное безоблачное счастье длилось недолго. Марина любила мужа до конца дней своих и об этом напишет в предсмертной записке в Елабуге. Но где бы она ни жила: в Москве, Берлине, Праге, Париже, и как бы трудно ей ни приходилось, она постоянно увлекалась, самовоспламенялась и сочиняла стихи, посвящая их тем, кто становился объектом ее привязанности, пусть даже недолгой.

Характер Цветаевой напоминает образ одного из ее героев — Джованни Джакомо Казановы, блистательная пьеса в стихах о котором идет в Вахтанговском театре, для которого Марина писала семьдесят лет назад.

К тому времени стихи, поэмы, пьесы сочинялись в доме в Борисоглебском переулке, где осенью 1914 года Марина Ивановна на свой вкус подобрала большую квартиру.

Дом в Борисоглебском переулке (ныне улица Писемского) известен многим экскурсантам, сейчас его реставрируют. Благодаря изысканиям и публикациям спастельницы этого дома доктора Н. Катаевой-Лыткиной, не позволившей его разрушить, известно многое об этом строении, его жильцах. Марина Ивановна с мужем-студентом, Ариадной и второй дочерью Ириной, родившейся в 1917 году, занимала квартиру причудливой планировки, располагавшуюся на трех этажах. Она состояла из семи светлых и нескольких темных комнат. По сути, это был особняк в доме.

Здесь прожила Марина Ивановна восемь лет, до отъезда за границу. Никогда больше в жизни у нее не было столь хорошей квартиры, таких условий для творчества.

В этом доме Марина Ивановна была и счастлива, и глубоко несчастна. Нелады в семье подтолкнули Сергея Эфрона уйти на фронт братом милосердия со студенческой скамьи. Во время мировой войны Марина не знала о бедной нужде, ей помогала прислуга. Она владела домом, сданным в аренду.

Второй раз муж покинул ее в январе 1916 года, уйдя на Дон воевать против Советской власти.

В дни гражданской войны Марина оказалась не только без мужа, но и без прислуги, средств, помощи родных, одна с двумя малыми детьми. В борьбе с голодом, холодом, болезнями ей пришлось надеяться на свои силы.

Когда в Москве стало голодно, Марина Цветаева получила командировку в Отделе изобразительных искусств «для изучения кустарных вышивок» и отправилась в опасный путь в «вольном поезде», битком наполненным безбилетными пассажирами, «мешочниками». Она решила на такой отчаянный шаг, как поездка в Тамбовскую область, чтобы обменять ситец, спички на пшено и хлеб. До осени 1918 года Марина Цветаева не искала работы, она меня-

ла вещи на продукты, благо квартира была заполнена мебелью, книгами, безделушками, уплывавшими на соседний Смоленский рынок, где происходила тогда «смычка» города с деревней, первобытный товарообмен.

Квартира Цветаевой стала коммунальной, к ней подселяли квартирантов. Решила послужить. Оставив детей, спешила на близкую Поварскую улицу, в бывший дворец графов Соллогубов. (На современной улице Воровского, ныне в нем Союз писателей).

С этим дворцом связан особый период в жизни Марины Цветаевой: в нем она не только бывала, выступала, но и работала.

В начале революции здесь располагалась некоторое время Чрезвычайная комиссия — ЧК. Затем помещение передали Наркомату по делам национальностей. Работу подыскал квартировавший у Цветаевой, как она пишет, «кис, коммунист кротчайший и жарчайший». Он рекомендовал Цветаеву в информационный отдел Наркомата, где ей приходилось заниматься составлением обзоров, сделанных на материале московских газет.

Стол Цветаевой располагался в «Розовой зале». К столу, заваленному кипами газет, она приходила, успев выстоять по несколько очередей: за молоком на Кудринской площади, за конопляным маслом на Арбате, за воблой на Поварской. За время службы, а продолжалась она почти полгода, с 11 ноября 1918 г. по 25 апреля 1919 г., успела изучить весь особняк, все комнаты, мебель, обстановку, картины, статуи, даже посуду запомнила, считала число ступенек — 22. Ее волновал портик с колоннами. Она испытывала робость перед такими замечательными домами.

Служила бы Цветаева и дальше, хотя работа не доставляла никакой радости, если бы не предложили однажды ей составить некую «классификацию», ставшую камнем преткновения. Эта классификация не давалась ей, как в свое время — арифметика и алгебра в гимназии. И не далась. Попросила расчет, сочинив легенду, что уходит «на хороших условиях» в другое учреждение.

Нашла работу поблизости от дома, на Смоленском бульваре, в «Монпленбеже», зевавшем делами бывших пленных и беженцев: тут служба оказалась совсем технической. Цветаевой следовало в день по норме рассортировать двести карточек. Но это было ей не под силу. Она уволилась и больше никогда в жизни не служила.

В июле Марина Цветаева шла на Поварскую, получив приглашение как поэт. В той самой «Розовой зале», где служила, они читала свыше сорока пяти минут пьесу «Фортуна». Среди слушателей находился нарком просвещения Луначарский. Цветаева увидела на его лице «невозможность зла».

Цветаева утвердилась в революционной Москве как истинный поэт, ей прощали многое, такие мысли и слова, за которые другие попадали на Лубянку. Однако не примирилась она с новой властью, не могла понять и принять все, что происходило вокруг нее:

От века поэты корки черствы,
И дела нам нету до красной Москвы!
Глядите от края до края—
Вот наша Москва — голубая!

Хотя ни от кого из коммунистов, по ее словам, лично зла не видела, идеи военного коммунизма были ей глубоко враждебны.

Когда за публичное выступление, где ее слушал нарком, заплатили Марине Ивановне 60 рублей, по тем временам копейки, в сердцах записала: «Я решила отказать от них — я на свои 60 р. пойду к Иверской, поставлю свечку за окончание строя, при котором так оценивается труд».

Наиболее трудным годом для Марины Цветаевой, как и для всего народа, оказался 1919-й, запомнившийся «самым черным, самым чумным, самым смертным». К тому времени относится запись в дневнике:

«Живу с Алей и Ириной (Але 6 лет, Ирине 2 г. 7 мес.) в Борисоглебском пер., против двух деревьев, в чердачной комнате, бывшей Сережиной. Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 картофеля, остаток от пуда одолженного соседями — весь запас».

И немного ниже: «Живу даровыми обедами (детскими)».

В этом отрывке, столь трагическом, видишь ту силу, которая не дала погибнуть. В одном случае то была — хоть и малая — помощь государства, в другом — помощь добрых людей. Одна соседка, жена сапожника, подарила карточку на обед, другая, жена адвоката, — присылала на верхний этаж в комнату, где жила мать с двумя дочерьми, супы...

И Марина делилась последним: поленом дров, например. Рубила и пилила сама.

Чтобы согреть очаг, в печку пошла мебель из красного дерева. Чтобы прокормить дочерей, ничего не оставалось, как отнестись на Смоленский рынок почти все, что имелось в доме. Не стало роля: его выменяла на хлеб. Болели дети. Дочерей пришлось отдать в Кунцевский интернат, где младшая скончалась от голода, не дожив до трех лет. Старшую, Ариадну, мать спасла.

Квартиру никто не убирал. Железные контейнеры в одной комнате, где стояла печь-«буржуйка» и стол: Цветаева не смотрела ни на что творила.

О, скромный мой кров! Нищий дым!

Ничто не сравнится с родным!

С окошком, где вместе горюем,

С вечерним простым поцелуем

Куда-то в щеку, мимо губ...

День кончен, заложен засов,

О, ночь без любви и без сна!

Когда дом засыпал, она садилась к столу, чтобы записать то ли листочки стихов, то ли дневника — между ними сама не делала особого различия. «Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен».

(Окончание следует)